

АГРИППИНА СТЕКЛОВА: «Я СОВЕРШЕННЫЙ ТОЛСТОВЕЦ»

Автор: Татьяна ВЛАСОВА | Фото: Александра ТОРГУШНИКОВА

«Сатирикон» без нее представить невозможно: она была и остается актрисой номер один. В преддверии красивой круглой даты мы поговорили о профессиональном треке, с точкой отсчета на курсе Марка Захарова, о планете по имени Райкин и «обоженности» Бутусовым, о зигзагах удачи и новой большой роли.

– Агриппина, вы учились на курсе Марка Захарова. Какие качества, личные и профессиональные, он в вас культивировал?

– Однозначно – чувство юмора и самоиронию. Направлял нас в поисках собственной актерской индивидуальности, когда ты – это ты, со своими минусами и своими плюсами. Еще – профессиональное мужество и стойкость, негибкость. Эти качества воспитывал не только Марк Анатольевич, но вообще режиссерский факультет ГИТИСа. Он давал возможность работать практически сразу, с первого курса. Работать с огромным количеством разных режиссеров, при том что каждому нужен свой подход и поиск языка. И это очень важно: на режфаке люди воспитываются не в «парнике». Это, скорее, дикий цветущий луг. Дикая природа. Мне такой подход очень помог, особенно, когда я делала первые шаги в театре.

– Какие установки мастера остались с вами и до сих пор помогают?

– Непременное условие – в любой роли и в любом персонаже искать остроумие, незаурядность, чтобы возникал объем, даже звенящая нота. Это тоже от моего мастера. Он не только большой режиссер, но и личность выдающаяся. Глыба. Всё время

хотелось внутренне ему соответствовать, поэтому нельзя было позволить себе быть не умным. И это не количеством прочитанных книг измеряется – просто артист должен понимать, что и как он делает.

– «Зигзагообразное существование на сцене», которому он учил, – это что значит?

– Это про парадокс, где всё очень рядом – смех и слезы, фарс и трагедия. За этим интересно наблюдать, над этим дико интересно работать. Это Захаров и называл «зигзагообразным», парадоксальным мышлением.

– Он следил за вашим профессиональным треком? На спектакли приходил?

– Да. Мы были у Захарова первым курсом не как у педагога, а как у мастера, – курсом, который он сам набрал. После нас было большое количество учеников. Многие – удивительные. Я не знаю, ходил ли он ко всем, но ко мне приходил и не раз. Один из последних спектаклей, на котором он был, это «Все оттенки голубого». Заглянул к Константину Аркадьевичу и меня как-то очень тепло обнял.

– Никогда не хотелось, по крайней мере, когда учились, играть на Ленкомовской сцене?

– Наверно, нет. Но на это есть ряд причин, объективных и субъективных. Мне не хотелось, чтобы меня продолжали ассоциировать с отцом. Мне хотелось «прыгнуть» вообще в другую сторону – и решение уйти от своего мастера было закономерным. Мой сын, Данил Стеклов, когда окончил мастерскую Райкина в Школе-студии МХАТ, играл на сцене «Сатирикона», но тоже понял, что в любом случае из «дома» надо уходить. Надо вырываться из зоны комфорта.

– Как вы «обручились» с «Сатириконом», причем еще за год до окончания ГИТИСа? Театр вас выбрал или вы его?

– Я думаю, что это произошло взаимно, но в общем довольно случайно. Хотя любая случайность, на самом деле, только притворяется случайной. Я во время учебы смотрела в «Сатириконе» два спектакля: легендарных «Служанок» Виктюка на большой сцене и на малой – «Великолепного рогоносца» Фоменко. Это было сродни творческому «цунами». И до сих пор эта постановка Петра Наумовича – одно из самых мощных моих театральных впечатлений. Она однозначно входит в топ спектаклей, которые формировали меня – и лично, и творчески (наряду с другими выдающимися постановками, как,

Стилист / Светлана Голкова, визажист / Екатерина Богатова

Александр Иванович

например, фоменковские «Волки и овцы», бутусовский «В ожидании Годо», спектакли Някрошюса).

После 4-го курса мы приняли решение показываться. Во-первых, чтобы проверить свои силы, а во-вторых, ГИТИС с театром было возможно совмещать. Потому что обучение как такое мы закончили (профпредметы) и имели свои «плюшки» в виде стипендии, возможности играть дипломные спектакли, что всегда является большой любовью студента. Чем больше

ты играешь, тем активнее формируешься, набираешь опыт. И можешь позвать на спектакль, чтобы на тебя посмотрели «в деле».

Ближе к выпуску стало понятно, что театром-студией мы не станем. Изначально были мысли. Но это не от нас зависело, а от нашего мастера. Не сложилось. Кто-то уже был в Театре на Малой Бронной, которым в то время руководил Сергей Женовач. Например, мой прекрасный однокурсник Гена Назаров. Кто-то уже всю жизнь играл в «Ленкоме»,

«Чайка». Нина Заречная.
Реж. Юрий Бутусов.
Театр «Сатирикон», 2011 г.

причем большие роли. Несмотря на это мы все-таки решили показываться. Откликнулись разные московские театры, среди которых, например, «Сатирикон», «Современник», МТЮЗ.

«Сатирикон» стал первым театром, где мы смогли себя проверить. Это было незабываемо. Константин Аркадьевич, конечно, фантастический зритель. Он совершенный ребенок, и за это его невозможно не любить. Он никогда не стесняется быть эмоциональным, быть предельно честным. Мне запомнилось, как он смотрел: кажется, что немного было в моей жизни потом таких победных дней, как на показе у Райкина. Я чувствовала себя большой актрисой. И не я одна. Поэтому почти не было сомнений, когда он меня позвал, идти в «Сатирикон» или нет.

– **Что вы показывали?**

– Я показывала куски, довольно большие и разнообразные, из дипломного спектакля «Дульсиня Тобосская» по пьесе Володина. Играла я Дульсиней, поэтому меня было много – могла надоесть даже за время показа. Но всё сложилось в мою пользу. Константин Аркадьевич очень хвалил наш курс. Отправил многих на «перепоказ», чтобы посмотреть еще раз, но уже на большой сцене, и показать худсовету... И вот я здесь уже больше 25 лет.

– **Как за это время театр изменился? «Сатирикон» времен «Великолепного рогоносца» и сегодняшний «Сатирикон», они во многом разошлись?**

– Да, сейчас театр совсем другой. Но мне очень больно и сложно об этом говорить, потому что у «Сатирикона» нет дома, нет крыши. Конечно, можно сказать, что это не главное, что главное – все-таки энергия и люди. Но, как ни крути, это важно – место, которое ты знаешь, любишь и день ото дня, год от года намаливаешь количеством выпущенных и сыгранных спектаклей, споров, удач, поражений и так

далее. Можно сейчас долго-долго говорить о том, что было сделано на чужих площадках, но, к сожалению, мы бездомные. И бездомные очень давно.

– **Уже лет семь, наверно.**

– Даже больше.

– **Это на климате в коллективе сказалось?**

– Мне бы хотелось сказать, что нет, это никак не сказывается, потому что все-таки, когда мы встречаемся в работе, на выпуске спектакля или просто приходим поговорить, мы все же «горячие» и не чужие друг другу люди. Но видимся редко. И, безусловно, это сказывается. Вы знаете, когда пара решает пожить отдельно – это начало конца. Бывают, конечно, исключения, но, скорее, они подтверждают правило. На мой взгляд, любящие друг друга люди, какой бы кризис в отношениях они ни переживали, должны

«перемалывать» это вместе. Если они решают справляться в одиночку, это путь в никуда. Поэтому и нам, артистам «Сатирикона», важно быть всё время вместе. Просто часто видется и много играть, и много выпускать, и много хохотать, выпивать, шутить, спорить, ругаться – это важно. Это энергия. Это жизнь. Не скажу, что всего этого нет. Но мало.

Я очень давно не репетировала. Можно перепроверить, но, боюсь, сезона три-четыре в моем родном театре я ничего не выпускала. Это нонсенс. Эта ситуация – первый раз за все годы работы в «Сатириконе». И она постигает периодически всех, кого-то в большей степени, кого-то в меньшей.

Поэтому, конечно, что-то, может быть, и надламывается. Но, я надеюсь, что не ломается пока. Мы в состоянии всё это, как пирамиду, собрать. У нас

есть энергия, у нас есть тяга к работе и друг к другу. Мы сейчас немного затаились. Набираемся сил, чтобы снова начать свое восхождение на творческий Эверест. Но уже то, что столько лет мы существуем без дома большим коллективом и выпускаем спектакли, причем удачные, – просто невероятно. И очень важно, что за период такого безвременья и бездомья, такого сиротства никто по собственному желанию из «Сатирикона» не ушел.

– **Свободы сейчас, видимо, стало больше. Раньше казалось, что Константин Аркадьевич страшно ревнует своих артистов...**

– Нет, это мифы и легенды. Райкин в этом смысле всегда был довольно лоялен. Максим Аверин – пожалуйста: будучи в «Сатириконе» на первых ролях, мог много сниматься. Другое дело, что это всё должно происходить в

Михаил Гуреркин

«Тартюф». Дорина.
Реж. Павел Сафонов.
Театр на Малой Бронной, 2011 г.

Ира Полярная

свободное от основной работы время. Мы просто очень много играли, поэтому почти не ходили на сторону. А сейчас времени стало больше. Это правда. Очень многие работают в разных театральных и кинопроектах. Но все-таки основным местом работы все считают театр «Сатирикон».

– На стороне вы сыграли в трех спектаклях Павла Сафонова, т.е. возникла творческая смычка, нашли общий язык?

– Да. Первый раз это произошло в Театре на Малой Бронной. Он позвал меня в спектакль «Тартюф», на роль Дорины. Я никогда не работала над Мольером, поэтому мне было дико интересно. До сих пор тоскую по той работе. Потом случился «Старший сын», который в этом году отмечает свое десятилетие, с большим артистом Виктором Сухоруковым. Мои коллеги и друзья – Евгений Цыганов, Евгений Стычкин – уже покинули первый состав. Мне, видимо, тоже пора. Обновление постановки – это нормальная ситуация.

И еще был «Валентинов день» Ивана Вырыпаева – один из моих любимых спектаклей, который по ряду причин сейчас не может продолжить свое существование.

– Как за 25 лет трансформировались ваши отношения с Константином Аркадьевичем – с Райкиным-худруком, Райкиным-режиссером, Райкиным-актером?

– Райкин – планета, Вселенная, ни на кого не похожая. Он очень большой актер. Он совершенно, на мой взгляд, незаурядная и мощная личность, которая наделена фантастическими и парадоксальными качествами – начиная от ума и заканчивая чувством юмора. Он абсолютный ребенок с невероятно чистым восприятием. Его невозможно обмануть и на него невозможно влиять. Он бывает беспощаден, абсолютно безумен в своих требованиях и желаниях, но ты его прощаешь, потому что он настолько искренен в своих порывах, что остается только черпать в себе силы, чтобы ему соответствовать.

И не разочаровывать его, и стараться его удивлять.

Я даже не знаю, как сформулировать мое отношение к Райкину... Он такой близкий мне, такой важный для меня человек: и художественный руководитель, и режиссер, и мой партнер – мы играли вместе в очень большом количестве спектаклей. Они и сейчас есть. Немного, но все-таки есть. Наконец, Константин Аркадьевич просто мой друг, а еще – мой мастер. Я попала к нему очень молодой актрисой, еще не оперившейся. Безусловно, он стал моим «крестным отцом» в профессии, вторым после Марка Анатольевича. Мы уже столько лет вместе, что, конечно, стали родными.

– За столько лет вы, наверно, как в семейных отношениях, проходили разные периоды. А такой, как у Марты с Джорджем (как в вашей премьере «Кто боится Вирджинии Вульф»), когда требовалась реанимация отношений, «электршоки», чтобы их оживить?

– Конечно. Мне кажется, у творче-

◀ «Кто боится Вирджинии Вульф». Марта. Реж. Данил Чашин. Театр наций, 2022 г.

ских людей, тем более близких, всегда отношения «сейсмически активные». Интерес друг к другу надо «встряивать». Всегда хочется восхищаться и восхищаться. И не только удивлять, но и удивляться. Это неизбежно и, мне кажется, совершенно нормально. И с Юрием Николаевичем Бутусовым это было.

– И как вы преодолевали кризис?

– По-разному. Но могу сказать, что никогда не случалось катастрофы. Никогда я не упиралась в мысль «ну всё, гиря пробила дно – надо закрывать эту дверь и идти дальше». Кризис в творческих отношениях, он преодолевается иногда бурно, иногда в тихом переживании. Здесь нет одного рецепта. Формула не изобретена. Основное условие для преодоления кризисных периодов – это, наверно, потребность друг в друге. Интерес, живой и настоящий, должен быть. Интерес и удивление. Если это есть, то всё под силу. В общем, нельзя друг к другу привыкать.

– Как в ваш театр пришел Юрий Бутусов?

– В «Сатириконе» одно время играл Константин Хабенский. Но это было совсем коротко. Мы были очень дружны, а он, как известно, учился и работал в Питере с Юрием Бутусовым. Потом они привезли на «Золотую Маску» спектакль «В ожидании Годо». Я посмотрела – и сошла с ума. Эти четверо – Хабенский, Пореченков, Трухин и Зибров – были просто невероятные. И мы сфокусировали внимание Константина Аркадьевича на Бутусове, на том, что, может быть, имеет смысл съездить в Петербург и посмотреть спектакль, который стал событием на «Маске». Райкин поехал – и пригласил, отдав нас всех на растерзание Юрию Николаевичу. Бутусов сделал распределение и начал репетировать с нами «Макбетт» Ионеско.

– Где у вас было сразу три роли.

– Ну да, три: Леди Макбетт, Леди Дункан и ведьма.

– На репетициях сразу возникли отношения доверительности, открытости, «обоженности» друг другом?

– «Обоженности» – несомненно. Это было одно из самых травматичных и невероятных творческих приключений в моей жизни – выпуск «Макбетт». С перегрузками и перепадами: от стремительного взлета на вершину, в поиске образа – до такого же стремительного падения оттуда, кубарем; от головокружительного творческого подъема до желания уйти из профессии. Это было очень сложно и очень увлекательно одновременно. Но испытание, мне кажется, мы все-таки прошли с честью. А те, кто прошел через репетиции с Бутусовым, навсегда будто помеченные. Он как будто нас соединил – всех, кто выпускал тот спектакль. Макс Аверин, Гриша Сиятвинда, Денис Суханов, Тимофей Трибунцев, Федя Добронравов, Володя Большов, естественно, и Юрий Николаевич – они очень близкие мне люди. «Обоженность» Бутусовым и его дебютом в «Сатириконе» нас связывает, как невидимая нить.

– Почему возникло желание уйти из профессии?

– Это невозможно объяснить. Просто ощущаешь себя тлей, ни на что не годной и ничего не умеющей. Те, кто работал с Юрием Николаевичем, наверно, поймут. Это как открыть ящик Пандоры. Попасть под ударную волну творческих «несчастий», но испытать и счастье – ровно такое же по мощи, такое же по силе переживаний. Оттого что полнота истины открывается. Самые страшные и самые прекрасные профессиональные мгновения я испытывала с Юрием Николаевичем.

– Кстати, что сейчас со студентами Юрия Бутусова? Его курс в ГИТИСе не «обезглавлен»?

– Нет. С Юрием Николаевичем они встречаются в Зуме, а с нами – по возможности. Педагогический состав в мастерской действующий: актеры и режиссеры – буквально все в профессии. Но для ГИТИСа находим время. Мы страшно к ним привязаны. Мы набирали их в непростой, пандемийный год. И набирали очно. Не было ни одного онлайн прослушивания, как в других вузах, только, может быть, совсем первые знакомства.

Вообще-то мы новая мастерская – и друг к другу привыкаем, и к студентам, а некоторые и к вузу. Потому что я, Олег Долин, Надя Кубайлат и Саша Хухлин – из ГИТИСа. А остальные преподаватели – Александр Урсуляк, Сергей Волков и сам мастер, Юрий Бутусов – не заканчивали нашу альма-матер. Процесс обучения необычный, мягко говоря. Это беспрецедентный случай. Мы формируем свой язык – и думаю, в итоге найдем свой путь... Я просто уверена, что эти ребята составят будущее русского театра. Они все прекрасные, все до единого.

– С Бутусовым происходили серьезные профессиональные и личные изменения после спектаклей, которые не стали успешными. Он их любит, много о них думает. А какие спектакли меняли вас, были «точками роста»?

– «Макбетт» и «Чайка». «Макбетт» открыл мне другие коридоры в профессию, а «Чайка» не только профессионально, но и лично меня очень поменяла. Это и режиссерская исповедь, и наше высказывание о театре, о любви, её боли, о муках, ну и о счастье делать театр.

Бутусов не берется за материал, будь то Шекспир, Чехов, Брехт, если не умирает от желания высказаться. И это вызывает не просто уважение, а восхищение. Но неужели надо только так? Я как-то ему сказала: «Юра,

ты думаешь, что талантливые и красивые «дети» должны рождаться в боли и муках? А почему не в счастье?» Он ответил: «Потому что так не бывает. Потому что только в боли и муках может появиться что-то настоящее». Я уверена, что найдутся люди, готовые с ним поспорить, причем поспорить своими работами. Но это не точка зрения Бутусова – это его нутро. Это он сам.

– Вы говорили, что играть последнюю сцену Нины и Треплева для вас счастье, и именно на слове «счастье» настаивали. Почему?

– Потому что великий текст: «Я теперь знаю, что слава – это не блеск, а умение терпеть». Потому что лучшей партнер, Тимофей Трибунцев – это дополнительное счастье (если говорить про эту сцену, а вообще в спектакле все партнеры без исключения – потрясающие). Потому что это возможность высказаться. Не каждой актрисе выпадает... Я не сумела это сразу оценить и понять. Отказывалась и не хотела категорически играть Заречную. Два месяца репетировала Аркадину.

– Почему отказывались?

– Почему? Хочется сказать, что ума нет. Дура, как я могла!.. Аркадина проходит свой путь, но высоту она набирает поступательно, а Заречная – вертикально. Проживает целую жизнь «от нуля до ста» за очень короткий период.

От Заречной я не просто отказывалась, а отчаянно сопротивлялась. Мне казалось, я всё понимаю про Аркадину. Именно в тот момент я могла, как мне представлялось, сказать что-то про себя, про свои отношения с театром и с сыном.

– Но роль Заречной стала абсолютной удачей. Еще одна – новая большая роль в Театре наций. Перед премьерой «Кто боится Вирджинии Вульф» с актерской командой работал психолог и

пришел к выводу, что у вашей Марты – истерическое расстройство личности. Согласны с заключением?

– Истеричка, да. Но мне кажется, что не всё так просто и однозначно. Мое ощущение Марты даже сейчас до конца не сформировалось. Я только на подступах к ней, к драматургии Олби, впереди еще длинный, сложный и прекрасный путь, несмотря на то, что премьера уже состоялась. Но эта роль – из разряда работы на перспективу: ребенок не вчера рожден и вроде в полном порядке, самостоятелен уже, но – нет, как выясняется, это ребенок сложный. Во всех смыслах слова. Надо еще растить.

– Режиссер Данил Чащин говорит, что Марта как минимум раз в месяц сходит с ума. Вы ее тоже считаете сумасшедшей?

– Я не знаю, насколько это тянет на сумасшествие в привычном понимании, но с Мартой все время что-то происходит, она слетает с катушек. Раз в месяц или не раз, но периодами ей невозможно, немыслимо тяжело – она начинает задыхаться от недостатка любви, внимания и вообще пресности, глупости этой жизни.

– Джордж пишет роман. Это его панацея от безумия. А у Марты есть способы не сойти с ума? Есть свои точки опоры?

– Сын, который есть и которого нет. Игра в параллельную реальность. И главная ее точка опоры – Джордж. Невероятный мужчина. Просто фантастический.

Как Марте повезло с Джорджем, так и мне повезло с партнером в этом спектакле – с Евгением Мироновым. Мы пересекались только на съемочной площадке, в театре – никогда. И тут сразу – такое партнерство, такая сцепка. Мы держимся друг за друга. Он способен удивить, нежно подхва-

тит, впечатлить, рассмешить, влюбить, как Джордж – Марту.

– А ваши точки опоры? Время непростое: уровень тревожности, нервозности высокий – на что опереться, чтобы держать внутреннее равновесие?

– Семья. Новый смысл и счастье сложились, когда родился внук Петя. Он «взрослый мужчина», ему 4 года. И он, между прочим, болеет за Аргентину. Очень переживал за команду. Месси – его герой. Но дико плакал, когда проиграли бразильцы на чемпионате мира. Просто как настоящий бразилец.

И театр – спасение от всего. Это уход от реальности и возможность создать свою, другую. И быть таким счастливым и таким несчастным. Это возможность проработать всё, начиная от твоей личности и заканчивая твоими отношениями с близкими.

Я считаю себя очень счастливым человеком. И очень несчастным, потому что я больше ничего не могу – только играть. А еще я очень люблю свой загородный дом. И люблю косить траву.

– Как Лев Николаевич.

– Да, я совершенный толстовец, правда. Надо мной все иронизируют. Близкие уже смирились. Но, во-первых, я сразу вижу результат своего труда. Меня это потрясает каждый раз. Потому что в театре результата никогда не видишь. Мы абсолютно эфемерным делом занимаемся, а здесь – что-то реальное. Во-вторых, это невероятное наслаждение от запаха и красоты. Ты можешь свободно думать. И слушать свою музыку... Вот такой я простой, не интересный человек – вдруг открыла в себе это. Да, люблю косить траву. Чистить снег тоже люблю. И сейчас жду с нетерпением, когда новый год даст мне эту возможность. Вообще, я люблю снежную зиму, как сейчас. Это просто подарок. Я же зимняя...

